

Московский педагогический
государственный университет

РОССИЯ В ЛИТЕРАТУРЕ ЗАПАДА

**Москва
2017**

Коллектив авторов

Россия в литературе Запада

«ЮРАЙТ»

2017

УДК 82
ББК 83.3(2Рос)

Коллектив авторов

Россия в литературе Запада / Коллектив авторов — «ЮРАЙТ»,
2017

ISBN 978-5-4263-0517-5

Научная монография посвящена актуальной проблеме восприятия России литературным сознанием Запада. В книге затрагиваются некоторые теоретико-методологические проблемы изучения образа «Другого». На разнообразном литературном материале исследованы принципы и приемы конструирования образа России в творчестве как известных отечественному читателю крупных западных писателей (Г. Зудермана, А. Моруа, С. Моэма, Л. Кэрролла и др.), так и литераторов второго ряда (Э.-М. де Вогиюэ, Д. Уокера, А. Джеймсон, А. Кодреску и др.). Для студентов и аспирантов филологических специальностей, всех, кто интересуется русско-зарубежными литературными связями и проблемами взаимной рецепции разных стран и культур.

УДК 82
ББК 83.3(2Рос)

ISBN 978-5-4263-0517-5

© Коллектив авторов, 2017
© ЮРАЙТ, 2017

Содержание

Введение	6
Глава 1	13
Имагология и имагопоэтика: два подхода к изучению образа «Другого»	13
Современная литературоведческая «россика» на Западе: основные фигуры, тенденции и подходы	20
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Россия в литературе Запада:

Коллективная монография

Ответственный редактор

Валерий Павлович Трыков

**Министерство образования и науки Российской Федерации Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Московский педагогический государственный университет»**

Рецензенты:

Е. Г. Чернышева, доктор филологических наук, профессор; профессор кафедры русской литературы Московского педагогического государственного университета

О. М. Буранок, доктор филологических наук, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой русской, зарубежной литературы и методики преподавания литературы Самарского государственного социально-педагогического университета

Ответственный редактор В. П. Трыков, доктор филологических наук, профессор

Введение

Имагология как новая область исследований в российском литературоведении

Когда американский культуролог и антрополог Эдвард Холл после Второй мировой войны ввел понятие «межкультурная коммуникация», то, прежде всего, он имел в виду межэтнические отношения¹. Позднее понятие межкультурной коммуникации расширялось, углублялось, распространялось на сферу отношений социальных, гендерных, возрастных и т. д. Развивалось, углублялось и понятие межэтнических отношений. Так, имагологическое направление подготавливалось в русле сравнительно-исторического метода. Имагология начала формироваться в 50-е гг. прошлого века. Известный французский исследователь Мариус Франсуа Гийяр в своем труде «Сравнительное литературоведение» (1951) рассматривал изучение образа «Другого» как актуальную научную задачу: «Не будем больше прослеживать и изучать иллюзорные влияния одной литературы на другую. Лучше попытаемся понять, как формируются и существуют в индивидуальном или коллективном сознании великие мифы

О других народах и нациях... В этом залог обновления компаративистики, новое направление ее исследований»². Другим ученым, наметившим поворот сравнительного литературоведения к имагологии, был Жан-Мари Карре, который в работе «Французские писатели и немецкий мир» (1947)³ сделал попытку решить, в сущности, имагологическую задачу: исследовать формирование и эволюцию образа Германии во французском культурном сознании под влиянием литературы.

В то же время, размышляя о генезисе имагологии, нельзя не учитывать тех «подступов» к изучению этнических стереотипов, которые были сделаны в эпоху Просвещения и романтизма: к примеру, в трудах И. Г. Гердера, Ж. де Сталь и др. Свой вклад внесли также представители филологической науки. Особенно важны в этом отношении труды ученых культурно-исторической школы, например И.-А. Тэна, который в своем труде «История английской литературы» (1863-64) на материале английской литературы утверждал, что имеются «известные общие черты... отличающие людей одной расы, одного века и одной местности»⁴.

В отечественном литературоведении предпосылки формирования имагологии складывались в трудах представителей сравнительного литературоведения: В. М. Жирмунского, М. П. Алексеева, Н. И. Конрада, Д. С. Лихачева и, конечно же, М. М. Бахтина с его теорией диалога. Так, рассуждая о диалоге культур, М. М. Бахтин писал: «Чужая культура только в глазах другой культуры раскрывает себя полнее и глубже... Один смысл раскрывает свои глубины, встретившись и соприкоснувшись с другим, чужим смыслом <...> между ними начинается как бы диалог, который преодолевает замкнутость и односторонность этих смыслов, этих культур... При такой диалогической встрече двух культур они не сливаются и не смешиваются, но они взаимно обогащаются»⁵. Необходимо также отметить тот резонанс, стимулировавший имаго-

¹ Холл Э. Как понять иностранца без слов. – М., 1995; *Hall Edward I Beyond Culture*. – N.Y. -London – Toronto, 1989.

² Guyard M.-F. La litterature comparee. – Paris, 1951. – P. 28.

³ Carre J.-M. Les ecrivains fransais et le mirage allemand. 1800–1940. – Paris, 1947.

⁴ Тэн И. История английской литературы. Введение // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв. Трактааты. Статьи. Эссе. – М., 1987. – С. 78–79.

⁵ Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М., 1986. – С. 354.

логические исследования в отечественном литературоведении, который получила в свое время книга Г. Гачева «Национальные образы мира»⁶.

В то же время было бы несправедливо представлять процесс становления имагологии как безоблачный, не осложненный дискуссиями и известными опасениями. Так, к примеру, известный американский теоретик литературы Р. Уэллек выступил с опасениями, что имагология размывает специфику литературоведческого исследования, полагая, что выдвинутая ею задача должна быть скорее предметом социологии, этнологии, социальной психологии⁷. Однако раз-вернувшиеся в связи с этим дискуссии привели не к отказу от имагологии, а к признанию ее значимой областью современных гуманитарных исследований.

На рубеже XX–XXI вв. мы стали свидетелями настоящего бума, стремительно нарастающего интереса как в отечественной, так и в западной гуманитарной науке к проблеме «Другого», исследованию диалога культур, формирования национальной идентичности и форм ее выражения. Безусловно, этот интерес был подогрет процессом глобализации, активизацией межкультурных связей, конфликтами в сфере межнациональных отношений. Радикальные перемены, пережитые нашей страной в последние десятилетия, расставание с прежними идеологическими постулатами, вроде «формирования единой нации – советский народ», еще раз убедили в неустранимости этнических различий, несовпадении ментальностей даже тех народов, которые живут бок о бок многие годы. Неслучайно имагология, изучающая образ той или иной страны, ее народа, особенностей национального характера в иноязычной стране, иноязычной культуре, столь востребована. И в этом интересе сходятся представители разных гуманитарных областей: историки, политологи, культурологи, этнографы, литературоведы. Эта область гуманитарных исследований, безусловно, носит междисциплинарный характер. Специфика литературоведческих исследований имагологического характера заключается в том, что в них литературное произведение изучается как фактор формирования образа «Другого» в общественном сознании той или иной эпохи.

Имагологическая тематика привлекла внимание российских ученых. Изучению образа «Другого» в отечественном литературоведении последнего времени посвящены работы Е. П. Гречаной «Литературное взаимовосприятие России и Франции в религиозном контексте эпохи. (1797–1825)», Е. А. Мустафиной «Образ Европы в литературном сознании Запада США в XIX веке», В. Земскова «Образ России на переломе времен (Теоретический аспект: рецепция и репрезентация “другой” культуры)», Л. Ф. Хабибуллиной «Миф России в современной английской литературе», А. Р. Ощепкова «Образ России во французской литературе XIX века» и др. Заметным событием в научной жизни страны стали прошедшие в первое десятилетие XXI в. международные научные конференции: «Пуришевские чтения» 2008 г. на тему «Россия в культурном сознании Запада» и конференция этого же года на ту же тему в ИМЛИ РАН, «Пуришевские чтения» 2017 г. «Зарубежные писатели о русской литературе».

Однако среди теперь уже достаточно многочисленной научной продукции имагологической направленности представляется оправданным выделить для более пристального рассмотрения книги Н. П. Михальской «Образ России в английской художественной литературе IX–XIX вв.» (1995) и «Россия и Англия: проблемы имагологии» (2012)⁸. Труды именно этого ученого сыграли важную роль в развитии имагологических исследований последнего десятилетия. Тот факт, что авторы таких авторитетных работ имагологической проблематики, как Л. Ф. Хабибуллина, А. Р. Ощепков, посвятили Н. П. Михальской свои книги, свидетельствует о признании значимости для них ее научного наследия в области изучения образа «Другого».

⁶ Гачев Г. Национальные образы мира. – М., 1988.

⁷ Welles R. The concept of comparative literature // Yearbook of comparative and general literature. – 1953. – № 7 (V. II). – P. 7.

⁸ Михальская Н. П. Образ России в английской художественной литературе IX–XIX вв. – М., 1995; Михальская Н. П. Россия и Англия: проблемы имагологии. – Самара, 2012.

Кроме того, рассмотрение монографий Н. П. Михальской позволяет обозначить ряд методологических проблем, встающих в процессе имагологического исследования.

За свою полувековую научную жизнь Н. П. Михальская занималась многими проблемами изучения и преподавания зарубежной литературы, особенно литературы XIX–XX вв. Однако в сложные для страны и науки 1990-е гг., когда с особой остротой встал вопрос о нашем самосознании, а следовательно, и возможных путях дальнейшего развития, в научных интересах Н. П. Михальской определился поворот к изучению того, как Россию воспринимали на Западе, и прежде всего в Англии, стране, исследованию литературы и культуры которой она посвятила свою научную жизнь. В 1995 г. появилась книга Н. П. Михальской «Образ России в английской художественной литературе IX–XIX вв.», над которой она работала на протяжении нескольких лет. В 2003 г. эта книга была переиздана. В 2012 г. вышло ее расширенное и дополненное издание под названием «Россия и Англия: проблемы имагологии».

Представляется, что для многих отечественных ученых слово «имагология» впервые прозвучало из уст Н. П. Михальской. Много лет назад на одной из конференций отечественной Ассоциации англистов (2003 г.) она употребила его в своем докладе. В зале пошел легкий шепоток, все стали друг друга спрашивать, что за слово. Еще не было ясно, насколько оно приживется в нашей гуманитарной науке, в кулуарах возникла легкая полемика относительно его целесообразности, однако Н. П. Михальская продолжала настойчиво употреблять его в своих научных трудах и выступлениях, и, полагаю, ее роль в том, что это понятие получило «прописку» в отечественном литературоведении, была едва ли не определяющей. Как это бывает с людьми большого таланта и интуиции, Н. П. Михальская предугадала, может быть, раньше других в нашей стране масштаб и значимость имагологических исследований.

Интерес Н. П. Михальской к имагологической проблематике был в известной мере подготовлен той научной школой, к которой она принадлежала. Эта школа была создана в Московском государственном педагогическом институте имени В. И. Ленина (ныне Московском педагогическом государственном университете) такими учеными, как М. Е. Елизарова, Б. И. Пуришев. Проблемы межкультурных связей, межкультурного диалога активно разрабатывались на кафедре во второй половине XX в.: выходили отдельные сборники, были опубликованы статьи, защищены кандидатские и докторские диссертации членами кафедры В. А. Луковым, В. П. Трыковым, Е. Н. Черноземовой и др., но, как правило, они освещали рецепцию отдельных явлений культуры, конкретного произведения, автора, определенного эстетического феномена, не ставя вопроса о целостном образе чужой культуры в сознании другого народа. Книга Н. П. Михальской была смелой и новаторской уже по масштабу задачи: изучить генезис и становление образа России в английской литературе, его эволюцию на протяжении огромного, десятивекового периода – с IX по XIX в.⁹

Генезис образа России в Англии Н. П. Михальская возводит к Средним векам. Ее внимание привлекают такие памятники, как «Роман о Трое» Бенуа де Сент-Мора (XII в.), «Императорские досуги» Гервазия Тильберийского (XIII в.), «Великая хроника» Матфея Парижского и др. Ученый особенно выделяет тот емкий и яркий образ, который создан автором «Романа о Трое» Бенуа де Сент-Мором. В нем передано представление об огромных пространствах и могучей силе «Росси», пространствах ее земли и вод, а также о народе, ее населяющем, как о большой семье (здесь – это образ «пчелиного роя»), которая в своем единстве («все вместе») одерживает победы. Этот образ Н. П. Михальская рассматривает как своего рода зерно, из которого вырастают многие последующие образы и мотивы британского дискурса о России. В своей книге она пишет: «Если перекинуть мост от далекого средневековья к современному

⁹ Нам известно лишь одно исследование, сопоставимое с работой Н. П. Михальской, – это монография британского ученого Энтони Кросса «Русская тема в английской литературе. С XVI века до 1980 года» (1985). См.: Cross A. The Russian theme in English literature. From the sixteenth century to 1980. – Oxford, 1985.

нам XX столетию, то величие необозримых русских пространств и присущее народу России семейное начало будут вновь определяться как источники его силы. Так, например, о музыке безграничных русских пространств, звучащей в «Войне и мире», писал в своей книге «Аспекты романа» (1927) Э. М. Форстер, а о присущем русским людям «чувстве большой семьи» говорила в своих интервью Айрис Мердок»¹⁰.

Н. П. Михальская, оценивая значимость средневековых источников, также подчеркивает, что уже в этот период закладывается представление о нашем крае и нашем народе как многострадальном, переживающем тяжелые вражеские нашествия. Это видно, к примеру, из материала английских монастырских хроник, откликающихся на события татаро-монгольского нашествия. В то же время материал, связанный с освещением этих событий, дает убедительный пример взгляда на «Другого» с позиции «Своего». Так, у английских хронистов, например, у Матфея Парижского, монаха Сент-Олбанского монастыря и придворного хрониста английского короля Генриха III, звучит тревожная мысль о том, что от силы сопротивления русских зависит судьба западных земель и в том числе Англии, до которой могут докатиться несметные силы Орды.

Образ России, нашедший отражение в средневековых английских памятниках, примечателен также безусловной положительной коннотацией. Освещение последующего материала позволяет показать, что образ «Другого» – явление колеблющееся и обогащающееся. Характеризуя специфику динамики образа «Другого», В. Б. Земсков в свое время писал: «...в данной области характер развития, если вообще о нем можно говорить, носит отнюдь не характер эволюции (хотя присутствует и эволюционный момент), а характер “наращивания”, наслоения все новых и новых характеристик, которые, не элиминируя старого, образуют дополнительные ряды. Старое никогда не исчезает и всегда может возникнуть из глубин истории в обстоятельствах, которые активизируют память реципиента о “другом”, и в том, что касается его “положительных”, и в том, что касается “отрицательных” сторон»¹¹.

Н. П. Михальской удалось передать как процесс «наращивания» образа, так и постепенно утверждавшиеся в нем доминанты, нередко переходившие в стереотипы. Так, обращаясь к материалам XVI–XVII вв., Н. П. Михальская отводит заметное место путевым запискам англичан о России (запискам Р. Ченслора, Дж. Горсея, Р. Хоклита, Дж. Флетчера и др.). Интересно, что среди ученых, занимающихся проблемами имагологии, существуют разные мнения по поводу целесообразности обращения к путевой прозе. Одни ученые полагают, что в ней много субъективного, случайного, поверхностного. Так, например, А. Р. Ощепков в своей монографии «Образ России во французских путевых записках XIX века» замечает: «... жанр путевых записок диктовал определенный угол зрения на объект, обуславливая некоторую поверхностность и субъективность взгляда, абсолютизацию частных, акцентирование непохожего, странного, экзотического в чужой стране»¹².

Н. П. Михальская уделяет значительное внимание первым английским путешественникам в Россию, торговым, посольским людям. Она отмечает, что при всей повествовательной неоднородности путевых заметок, благодаря им, появляется более живой, широкий, многогранный образ, например, Московии, Кремля, русской зимы, они содержат рассуждения о русском языке как выразительном и музыкальном и др. Кроме того, значение путевой прозы Н. П. Михальская видит в том, что она является питательной почвой для многих авторов, писателей, поэтов, драматургов, вводящих русские мотивы, аллюзии, реминисценции в свой текст. В работе Н. П. Михальской это убедительно показано на текстах младшего и старшего Флетче-

¹⁰ Михальская Н. П. Образ России в английской художественной литературе IX–XIX вв. – М., 2003. – С. 9.

¹¹ Земсков В. Б. Образ России на переломе времен (Теоретический аспект: рецепция и репрезентация «другой» культуры) // Новые российские гуманитарные исследования. – 2006. – № 1. – С. 24.

¹² Ощепков А. Р. Образ России во французских путевых записках XIX века. – М., 2010. – С. 221.

ров. Так, среди путевых записок Н. П. Михальская выделяет книгу Джайлса Флетчера, посланника королевы к русскому двору, вышедшую в 1588 г. под названием «О государстве русском». Книга явилась результатом годового проживания Флетчера, английского поэта, автора сонетов и элегий, в России. Записки Флетчера отличаются широтой панорамы: природа России, богатство ресурсов, нравы русского двора, русской церкви, частный быт русских людей. Образ, созданный Флетчером, поражал контрастами: богатство земли и нищета народа, даровитость, сметливость русского человека и его рабское положение и т. д. Англичане даже опасались, что вследствие нелестных суждений Флетчера осложнятся торговые отношения с Россией, и старались книгу не распространять. Но как книга, так и устные рассказы о России были хорошо известны Джону Флетчеру, племяннику автора книги «О государстве русском». Отзвуки сообщений Флетчера-старшего нашли отражение в драматургии Флетчера-младшего, прежде всего в его драме «Верноподданный», где действие развивается в Москве начала XVII в. Показательно также, что именно на материале заметок путешественников в Россию (записок Хокклита, в частности) формировал свой образ России и русского государства Джон Милтон, у которого впервые появляется описание Сибири как сурового обширного края, перерезанного мощными реками, ледяными степями и т. д.

Оценивая вектор развития образа России в английской культуре, следует также заметить, что этот образ «Другого» в заметной мере определялся позицией и интересами «Своего», британского. Так, XVIII в., отличающийся благоприятными межгосударственными отношениями между Россией и Англией, стал временем широких контактов между подданными обоих государств. В этот период в России появились первые английские туристы, новый тип путешественника. К этому времени относится и формирование общих представлений о специфике русского характера, в частности в труде Дэвида Юма «О национальных характерах», в «Отчете о пребывании в России» Джорджа Маккартни. Отзвуки этих сочинений Н. П. Михальская находит в прозе Стерна («Жизнь и мнения Тристрама Шенди») и в связи со Стерном замечает: «Нечто русское присутствует в английской художественной литературе восемнадцатого века, проявляясь не только в отдельных реминисценциях и упоминаниях, а органически вливаясь в художественный мир произведений... Особенность этого “русского элемента” или “русского начала” состоит не в сообщении каких-то новых фактов и сведений, а в передаче колорита, самой общей атмосферы русской жизни, как они ощущаются английскими писателями»¹³.

В то же время в XVIII в. художественные произведения, по мнению Н. П. Михальской, начинают оттеснять по своему воздействию на читателя путевую прозу. Их доминирующая роль в формировании образа России в английской культуре обозначенного и последующего периодов показана на примере второй части романа Д. Дефо о Робинзоне Крузо, «Времен года» Томпсона, «Гражданина мира» Голдсмита и целого ряда художественных текстов XIX в.: произведений Байрона, Вордсворта, Саути, Браунинга и др. Суждение Н. П. Михальской о приоритетной значимости художественной литературы, которая оказывается способной разрушать стереотипы и обогащать, усложнять образ «Другого», позднее развивает в своей монографии Л. Ф. Хабибуллина, когда пишет, что «именно в литературе скорее, чем в других, более массовых формах, возможно сложное, глубокое, концептуализированное воспроизведение образа национального другого, возникающее в полемике со стереотипом»¹⁴.

Вместе с тем в ходе анализа текстов, создающих образ России в английской культуре, обнаруживается влияние так называемого цивилизаторского дискурса, взгляда на Россию и русских с позиции превосходства «цивилизованной» Британии над «варварской» Россией. Примером подобного отношения в книге Н. П. Михальской становится поэма Браунинга «Иван

¹³ Михальская Н. П. Образ России в английской художественной литературе IX–XIX вв. – С. 50.

¹⁴ Хабибуллина Л. Ф. Миф о России в современной английской литературе. – Казань, 2010. – С.123.

Иванович», примечательная тем, что в ней появляются образы иконы и топора, долго ассоциировавшиеся в западном сознании с Россией.

Рассматривая тексты XIX в., И. И. Михальская стремится установить то новое, чем это столетие обогатило образ России в английской литературе. По ее наблюдениям, наряду с сохранением «цивилизаторского дискурса», после событий 1812 г. Россия и ее народ признаны участниками европейского сообщества. России начинают пророчествовать значительное будущее, хотя она и продолжает вызывать известную настороженность и страх у англичан. Отмечая, что в XIX в. политические и дипломатические проблемы приводили к колебаниям в интерпретации русской темы, И. П. Михальская подчеркивает, что в целом продолжилось ее дальнейшее обогащение, прежде всего, вследствие открытия англичанами произведений русской литературы, которые начнут переводиться и распространяться в Англии начиная с произведений Кантемира, Ломоносова, Сумарокова, Крылова и др. Заметим, что в последующие эпохи русская литература и русское искусство всегда будут фактором, обуславливающим положительные коннотации образа России.

Подводя итог своим наблюдениям, Н. П. Михальская делает вывод о мифологизации образа России в английской литературе: «Образ России в художественной литературе Англии обладает выраженным мифологическим характером со многими свойственными именно мифу чертами: контрастностью противопоставлений (оппозиций) отдельных смысловых элементов, немногочисленностью и внутренней нерасчлененностью этих элементов при их отчетливой структурной выраженности, дискретности и постоянстве связей между ними на протяжении почти десяти столетий»¹⁵. Мифологический характер национального образа в инокультуре признают многие ученые. В связи с этим можно задаться вопросом, насколько правомерна имагология, которая таким образом изучает национальный миф. Замечу, однако, что современная «постнеклассическая наука» начинает придавать особое значение именно имагинарному и «...нелинейным сетевым взаимодействиям, отражающим комплексное и нелинейное видение мира, поскольку сложность, открывающаяся взору современного субъекта-наблюдателя, не может быть понята в рамках узкодисциплинарной схемы», – писал Ю. С. Степанов¹⁶. О стремлении современной науки к изучению имагинарного пишет также в своих последних работах и известный французский медиевист Жак Ле Гофф: «Термин “имагинарное”, конечно же, восходит к слову *imagination* – воображение, но история имагинарного не есть история воображения в традиционном смысле слова, а это история сотворения и использования образов, побуждающих общество к мыслям и действиям. Ибо они вытекают из его ментальности, чувственного ощущения бытия, культуры, которые насыщают их жизнью. Эта история началась несколько десятилетий назад, когда историки научились извлекать из образов новые смыслы»¹⁷. Закljučая свое суждение, Ле Гофф справедливо напомнил о заслугах французской Школы «Анналов» в укоренении имагинарного, неизбежного при создании ментальных образов.

Образ «Другого» – разновидность имагинарного. Это образ, в значительной мере обусловленный характером воспринимающегося субъекта, и образ России, созданный в английской культуре, не исключение. Он не может вполне совпадать с тем образом, который сформирован в культуре немецкой и французской. Специфика национального мифа еще и в том, что этот мыслеобраз «переживается». Кроме научных компонентов, этот миф включает, таким образом, «обертону» психологические, социальные, бытовые, проецирующиеся на контекст межнациональной коммуникации. Неслучайно имагология уже знает случаи, когда политические, военные, дипломатические и иные ведомства «заказывали» ученым проекты имагологического характера.

¹⁵ Михальская И. П. Образ России в английской художественной литературе IX–XIX вв. – С. 130.

¹⁶ Степанов Ю. С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации. – М., 2007. – С. 62.

¹⁷ Ле Гофф Ж. Герои и чудеса Средних веков. – М., 2011. – С. 25.

Последнее издание книги Н. П. Михальской включает новые материалы, связанные с созданием образа англичанина и англичан в русской литературе. Здесь Н. П. Михальская обращается к прозе Карамзина, Толстого, Герцена, Григоровича и др. Это серьезное, большое исследование ею только начато и ждет своего продолжения со стороны тех, кто выберет для себя область имагологии и заинтересуется обозначенным аспектом. Однако само объединение в одной книге двух аспектов – взгляда на Россию из пространства английской литературы и культуры и, наоборот, восприятия Англии и англичан русскими – обозначило возможную перспективу развития так называемой сравнительной имагологии, о чем имагологи уже начинают рассуждать и спорить.

Глава 1

Теоретические проблемы изучения образа «Другого»

Имагология и имагопоэтика: два подхода к изучению образа «Другого»

В последнее время в научный обиход вошло понятие «имагология»¹⁸. Более того, как это часто бывает, оно, как все новое и пришедшее с Запада, привлекло к себе внимание отечественных исследователей, в некотором роде стало «модным». Однако это понятие зачастую используется некритично, подменяя собой другие, более традиционные понятия и термины: образ заменяется имиджем, сравнительно-исторический подход имагологическим, поэтика – имагологией.

Статус имагологии в современной гуманитаристике остается довольно неопределенным. Большинство исследователей сходятся во мнении, что имагология – сфера гуманитаристики междисциплинарного характера, в которой изучается образ «Другого», чужой страны, народа, культуры. Однако изучением образа (в том числе и образа «Другого») занимаются и другие научные дисциплины, прежде всего историческая поэтика и компаративистика. Существует мнение, что имагология – не самостоятельная дисциплина, а раздел компаративистики. Такой точки зрения придерживаются, в частности, авторы недавно опубликованной монографии «Имагология: теоретико-методологические основы» (2013) О. Ю. Поляков и О. А. Полякова. Генетически имагология действительно тесно связана с компаративистикой, в рамках которой она зародилась в середине XX столетия в ситуации кризиса компаративистики как попытка его преодоления за счет переключения исследовательского внимания с изучения влияний, источников и контактных связей на исследование образа «Другого». Эта смена предмета исследования в компаративистике была предложена французским ученым-компаративистом Мариусом-Франсуа Гийяром в его книге «Сравнительное литературоведение» (1951): «Не будем больше проследивать и изучать иллюзорные влияния одной литературы на другую. Лучше попытаемся понять, как формируются и существуют в индивидуальном или коллективном сознании великие мифы о других народах и нациях... – в этом залог обновления компаративистики, новое направление ее исследований»¹⁹.

Однако представляется, что в настоящее время имагология по некоторым важным параметрам – прямой антипод компаративистики (и тесно с ней связанной исторической поэтики), прежде всего это касается целей, аспектов изучения образа «Другого», методологии исследования. В вопросе о методах имагологии нет ясности. Так, О. Ю. и О. А. Поляковы констатируют, что имагология «опирается на весь инструментарий литературоведения, использует поэтологический анализ, нарратологические стратегии, мифопоэтические подходы и т. д.»²⁰. А. Ю. Большакова говорит об «имагологическом подходе», который, с ее точки зрения, развивается в рамках компаративистики (наряду с типологическим), и характеризует его следующим образом: «матричную функцию берет на себя образ страны, региона (континента) или известного города. Выстраиваемые здесь сравнительные ряды предполагают зеркальность, взаимоотраже-

¹⁸ О том, что это понятие укореняется в современной отечественной гуманитаристике, вызывая научную рефлексию авторитетных исследователей, свидетельствует, в частности, статья Вл. А. Лукова «Имагология: тезаурусные расширения» (См. Луков Вл. А. Имагология: тезаурусные расширения // Имагологические аспекты русской и зарубежных литератур: Межвуз. сб. науч. тр. / Отв. ред. О. Ю. Поляков. – Киров, 2012. – С. 15–32.

¹⁹ Guyard M.-K La litterature comparee. – Paris, 1951. – P. 119.

²⁰ Поляков О. Ю., Полякова О. А. Имагология: теоретико-методологические основы. – Киров, 2013. – С. 7.

ние и даже взаимовлияние возможных компонентов»²¹ и далее приводит возможные темы имагологического характера: «Образ Запада в русской литературе», «Образ России в литературе Запада», «Москва глазами американских писателей», «Образ Парижа в московской поэзии XX века» и т. п. В сущности, остаются нераскрытыми сущность и специфика имагологического подхода. О. Ю. Поляков и О. А. Полякова его вообще не вычлениют, а А. Ю. Большакова сводит к предмету исследования – все тому же образу «Другого».

Не проясняет ситуации и то определение имагологии, которое дано в книге «Россия и Запад в начале нового тысячелетия» (2007): «Имагология – направление, исследующее отношение к действительности как к некоему тексту, когда сам образ понимается не только как элемент, часть и способ изучаемого текста, но и как общее представление о мире, континентах, странах, городах, их обитателях и т. д.»²². Что такое образ как «способ изучаемого текста»? Является ли исключительной прерогативой имагологии изучение образа как «общего представления о мире, континентах, странах, городах и их обитателях» или образ в этом качестве может изучаться и другими разделами литературоведения, например, исторической поэтикой? Данное определение не столько проясняет ситуацию, сколько запутывает ее и порождает вопросы. Попробуем разобраться.

Один из основателей имагологии, немецкий ученый Хуго Дизеринк декларировал в своей программной статье «К проблеме “имиджей” и “миражей” и их исследования в рамках сравнительного литературоведения» (1966), что «образ другой страны не является предметом исследования компаративистики (читай “имагологии”). – В. Т.), однако он становится таковым в том случае, когда *литературный имидж или мираж влияет на общественное мнение*»²³. Таким образом, имагология, в отличие от компаративистики и исторической поэтики, изучает образ «Другого» («имидж» в имагологической терминологии) не в художественно-эстетической, а в социально-идеологической функции. Компаративистика и историческая поэтика исследуют структуру, смысл и поэтологический, художественно-эстетический статус образа (в том числе и образа «Другого») в литературном произведении, приемы создания образа, его типологию в разных национальных литературах. Иными словами, компаративистику и историческую поэтику образ интересует как творение поэтического сознания в его художественно-эстетической неповторимости, многомерности и многозначности и связях с традицией, «преданием». Здесь уместно вспомнить определение предмета исторической поэтики, данное ее основателем А. Н. Веселовским, – это «эволюция поэтического сознания и его форм»²⁴. Имагологию же прежде всего интересует вопрос, как образы «Другого», конструируемые в художественной литературе, СМИ, публицистике, искусстве, то есть в различных типах дискурса, входят в общественное сознание, превращаются в имиджи-стереотипы и формируют представление нации о себе и о других народах? Литературное произведение берется имагологами не как самостоятельный эстетический феномен, а лишь как источник «имиджей», стереотипизированных, устойчивых и упрощенных образов, транслируемых затем по различным каналам в общественное сознание и определяющее в значительной степени отношение одного народа к другому.

В этом отношении имагология стоит на грани между литературоведением и социологией, социальной психологией. В той мере, в какой имагология в качестве материала для изучения имиджей использует литературные произведения, она смыкается с литературоведением, но, акцентируя изучение социально-психологической, идеологической функции литературных (и шире – художественных) образов, она сближается с социологией и социальной психологией.

²¹ Проблемы современного сравнительного литературоведения / Под ред. Н. А. Вишневской и А. Д. Михайлова. – М., 2004. – С. 25.

²² Россия и Запад в начале нового тысячелетия / Отв. ред. А. Ю. Большакова. – М., 2007. – С. 5.

²³ Цит. по: Миры образов – Образы мира / Bilderwelten – Weltbilder: Справочник по имагологии / Пер. с нем. – Волгоград, 2003. – С. 30.

²⁴ Веселовский А. Н. Историческая поэтика. – Л., 1940. – С. 53.

Имагология развивается в рамках так называемого cultural turn в современной западной гуманитаристике, следствием которого стало то, что литературоведение утрачивает свою специфику, рассматривается как придаток культурологии, одна из наук о культуре, общая задача которых – понять, как конструируются в общественном сознании те или иные понятия, идеи, концепты, культурная и национальная идентичность. В этом контексте литература рассматривается как один из инструментов социального конструирования²⁵. «Литература (так же как и другие художественно-нарративные медиа, такие как кино) является привилегированным средством распространения стереотипов...»²⁶. Некритичным оказывается не только использование понятия «имагология» в современном отечественном литературоведении. Некритично само отношение к имагологии. Так, О. Ю. Поляков и О. А. Полякова, авторы наиболее обстоятельного на сегодняшний день аналитического обзора по имагологии, дают такую ее оценку: «В настоящее время перспективность новой научной дисциплины не вызывает сомнений»²⁷. Однако первый долг ученого – сомневаться. Усомнились и мы. И прежде всего в научности имагологической методологии.

Существенным отличием имагологии от компаративистики и исторической поэтики является не только различие аспектов изучения образа и конечных целей этого изучения, но и методология. Метод исторической поэтики – сравнительно-исторический. В этом названии важны обе части. Историческая поэтика не просто сравнивает разноречивые литературы, но сравнение производится на основе принципа историзма, то есть «эволюция художественного сознания и его форм» изучается в ее обусловленности динамикой исторического и социокультурного процесса. Для А. Н. Веселовского и его последователей художественный образ, несомненно, отражение (разумеется, в специфической, художественной форме) исторической реальности. С точки зрения исторической поэтики в художественном сознании «всякий раз отражены историческое содержание той или иной эпохи, ее идеологические потребности и представления, отношения литературы и действительности...»²⁸.

Напротив, важнейший постулат имагологии – нерепрезентативность образа «Другого». Авторитетный современный французский имаголог Даниэль Пажо утверждает: «...Образ не является более или менее измененным воспроизведением некой реальности...»²⁹. Можно констатировать принципиальный аисторизм имагологов как исследователей, работающих в постмодернистской парадигме. Имагологию не интересует вопрос о том, насколько создаваемый имидж соответствует референту, как снимается ею вопрос о социокультурной обусловленности имиджа. Акцент переносится на выявление источников образа «Другого», конструирующих его дискурсов, средств и механизмов его трансляции в общественное сознание, то есть превращения художественного образа (в тех случаях, когда объектом исследования становится художественное произведение) в имидж-стереотип «Другого». Текст перекликается с текстом, образ с образом, но они никак не соотносятся с социокультурной реальностью и ею не обуславливаются. Пространство текстов отрывается от пространства истории, социума. «Имагология изучает репрезентанты, репрезентации *как текстовые стратегии и как дискурс* (курсив мой. – В. Т.)»³⁰. Иными словами, методом имагологии становится постструктуралистский

²⁵ О влиянии концепции социального конструирования Лукмана – Бергера на генезис имагологии писал А. Р. Ощепков (См.: Ощепков А. Р. Имагология // Знание. Понимание. Умение.-2010.-№ 1.-С. 251–253).

²⁶ Леерссен Й. Имагология: история и метод // Поляков О. Ю., Полякова О. А. Имагология: теоретико-методологические основы. – Киров, 2013. – С. 159.

²⁷ Поляков О. Ю., Полякова О. А. Указ. соч. – С. 111.

²⁸ Аверинцев С. С., Андреев М. Л., Гаспаров М. Л. и др. Категории поэтики в смене литературных эпох // Историческая поэтика: Литературные эпохи и типы художественного сознания. – М., 1994. – С. 3.

²⁹ Pageaux D.-H. Image/Imaginaire // Beyond the Pug's Tour. National and Ethnic Stereotyping in Theory and Literary Practice / ed. C. C. Barfoot. Amsterdam-Atlanta, 1997. – P. 376.

³⁰ Леерссен Й. Указ. соч. – С. 160.

дискурс-анализ, изучающий образ (в том числе и образ «Другого») как результат различных дискурсивных практик, «борьбы дискурсов». Дискурс-анализ не отрицает реальность, но маргинализирует, виртуализирует ее, акцентируя внимание на «воображаемом», придавая ему самостоятельное значение.

Скандинавские исследовательницы Луиза Филипс и Марианне Йоргенсен в книге «Дискурс-анализ. Теория и метод» (2002) задаются вопросом, «делает ли релятивизм, свойственный социально-конструкционистской предпосылке, невозможным отличие хороших описаний действительности от плохих...»³¹. Поднимая проблему релятивизма и его последствий для системы знания, они излагают точку зрения некоторых западных исследователей³², согласно которой релятивизм – это «фундаментальный скептицизм в отношении любого требования знания о действительности, скептицизм, который делает возможность подвергнуть сомнению всё. Но это не означает, что мы не можем выносить суждения об этой действительности – на самом деле, мы не можем этого не делать. Что это означает, так это то, что все суждения открыты для обсуждения, и в этом состоит возможность для продолжающихся демократических дискуссий. Напротив, реалистические аргументы, выявляющие действительную природу мира, замораживают обсуждение»³³. Таким образом, релятивизм, с точки зрения этих ученых, – «условие для любого производства знания»³⁴.

Однако, во-первых, в этих рассуждениях происходит явная подмена понятий. Релятивизм отождествляется с критицизмом, который, действительно, есть необходимое условие научной позиции. Критицизм предполагает возможность поставить под вопрос любые устоявшиеся научные концепции или сложившиеся представления обыденного сознания, допустимость и даже необходимость их аргументированной критики и опровержения. Релятивизм же утверждает равноценность всякого знания, любой позиции, отмену иерархии и в конечном счете как следствие – снятие вопроса об истинности или ложности той или иной концепции, того или иного знания, их уравнивание в «субъективности», а значит «неподлинности». Критицизм имеет своей задачей и следствием уточнение прежних представлений о действительности, постепенное продвижение к более адекватному пониманию реальности. Релятивизм отказывается от оппозиций «истинное – ложное», «хорошее – плохое», «высокое – низкое», уравнивая разные идеи, рядопологая их как равноценные, тем самым подрывая саму возможность постановки вопроса о том, какая из научных концепций на данном этапе развития научного знания дает наиболее адекватное описание действительности, исходя из достигнутого наукой на этом этапе уровня.

Заметим, кстати, что такое же отождествление критицизма и релятивизма и увязывание их с ценностями и задачами либеральной демократии находим и в известной книге современного американского мыслителя Фрэнсиса Фукуямы «Конец истории» (1992): «Высшее образование в США и других западных странах сегодня обычно прививает молодым людям историческую и релятивистскую точку зрения, свойственную мысли двадцатого века. Это подготавливает их к гражданству в либеральной демократии, поощряя терпимость к чужим взглядам...»³⁵. Во-вторых, Л. Филипс и М. В. Йоргенсен априори исходят из того, что «реалистические аргументы», то есть позиция тех ученых, которые стремятся понять «действительную природу мира», представляет собой преграду на пути свободного обсуждения различных точек зрения, то есть «демократической» научной дискуссии. Станный тезис, представляющий тех,

³¹ Филипс Л., Йоргенсен М. В. Дискурс-анализ. Теория и метод / Пер. с англ. – Харьков, 2004. – С. 298.

³² Показательно, что точка зрения тех ученых, которые видят в релятивизме явление тревожное, отрицательное, «политическое препятствие» лишь упоминается в книге, но не излагается, как, впрочем, даже не названы имена этих ученых, в отличие от представителей второй группы – защитников релятивизма.

³³ Филипс Л., Йоргенсен М. В. Указ. соч. – С. 299.

³⁴ Там же.

³⁵ Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. – М., 2005. – С. 198.

кто полагает, что истина существует, сущность вещей может быть понята (в том числе и прежде всего при помощи науки), что наука может постепенно продвигаться ко все более адекватному представлению о мире, какими-то авторитарными монстрами, неспособными к «демократической дискуссии».

«Дискурс-анализ» – порождение постструктурализма и генетически связанного с ним постмодернизма, которые явились реакцией на «авторитаризм» и «монологизм» функционалистских парадигм (гегельянства, психоанализа, марксизма, структурализма), объединенных представлением о существовании объективных, не зависящих от воли субъекта глобальных «структур» (будь то «Мировой Дух», «Бессознательное», экономические законы или законы языка), определяющих как поведение отдельного индивидуума, так и движение истории. Постструктурализм-постмодернизм стали травматической реакцией западной мысли на тоталитарные тенденции, ярко проявившие себя в XX столетии. Ответственность за идеологическое, интеллектуальное обеспечение политического тоталитаризма была возложена на функционалистские парадигмы.

Попыткой преодоления функционалистских парадигм стала аналитическая философия («философия языка»), которая основывалась на критике «метафизики» функционалистских парадигм и вообще глобальных объясняющих философских систем. Аналитическая философия провозгласила отказ от исследования коренных мировоззренческих проблем онтологического и гносеологического характера (отношения субъекта – объекта, материи и духа и т. д.). Всё это трактуется аналитической философией как «метафизика», лишенная научно-познавательного значения. Аналитическая философия на новом витке историко-культурного развития продолжает линию философского позитивизма. Способом преодоления «метафизики» функционалистских парадигм становится в аналитической философии изучение механизмов языка. Аналитическая философия ставит задачу понять, как, в каких категориях функционирует язык, а значит и мышление. Основным предметом изучения становятся отношения между словами и реальностью. Интерес функционалистских парадигм к миру (разным его аспектам) подменяется интересом к языку.

Лингвоцентризм аналитической философии вызывал критику у некоторых крупных философов. Например, Бертран Рассел считал, что аналитическая философия уходит от смысла вещей в игру в слова. Критикуя позднего Л. Витгенштейна, выдвинувшего в 1920-30-е гг. концепцию языка как комплекса языковых игр, а задачу философии видевшего в том, чтобы понять и описать правила той или иной языковой игры, Б. Рассел писал, что не может поверить, что «теория с подобными меланхолическими последствиями может быть верной», и утверждал, что цель слов «заключается в занятии тем, что отлично от слов»³⁶. Логика лингвоцентризма была экстраполирована в сферу эстетики и теории литературы, в значительной степени обусловив постструктуралистскую концепцию литературы, отрицающую референциальность литературы. Для Р. Барта «литература – это способ освоения имени»³⁷. Она не соотносится с реальностью, не отражает и не познает ее. Претензии реализма на правдивое отражение действительности – всего лишь «референциальная иллюзия».

Подобный взгляд на литературу был усвоен сторонниками дискурс-анализа и, в частности, имагологами, для которых литература не эстетический феномен, опосредованно отражающий реальность и претендующий на ее познание, а всего лишь лаборатория для изучения имиджей, резервуар, откуда черпаются образы «Другого», превращающиеся затем в стереотипы.

Для компаративистики и исторической поэтики как в известном смысле наследниц культурно-исторической школы литература – отражение «духа нации», особенностей националь-

³⁶ Цит. по: Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. – Т. 4. От романтизма до наших дней. – СПб., 1997. – С. 456.

³⁷ Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика. – М., 1989. – С. 352.

ной культуры, менталитета. Одной из задач сравнительного изучения литератур является выявление их национальной специфики. Для имагологов, в отличие от компаративистов, нация – не объективная, исторически сложившаяся данность, но сфера «воображаемого», условный интеллектуальный конструкт, в создании которого значительную роль играют различные дискурсивные практики.

В результате научное объяснение явлений заменяется в постструктурализме множеством субъективных интерпретаций. Характерным становится отождествление действительности и рефлексии о ней, стирание границы между реальным миром и его отражением в человеческом сознании, то есть, по существу, устраняется базовая для науки оппозиция «объект/субъект», а отсюда следует невозможность занять критическую дистанцию по отношению к объекту исследования, а значит, и невозможность научного критического анализа. Сторонники «нового историзма», а вслед за ними и имагологи стирают различие в предметах анализа историка и интерпретатора. Историк работает с фактами, имевшими место в прошлом. Он выявляет и анализирует структуру материала. Интерпретатор создает структуру материала («факты») в процессе его обработки. Постмодернистская релятивизация факта вытекает из концепции дискурсивности любого знания.

Возвращаясь к началу нашей статьи, в которой была приведена цитата о несомненной перспективности имагологии в качестве новой научной дисциплины, зададимся вопросами, может ли быть научной дисциплина, теоретические предпосылки которой и ее метод (дискурс-анализ), как мы стремились показать в настоящей статье, восходят к постмодернистской «философии множественности», отрицающей существование истины, рассматривающей науку как одну из дискурсивных практик, ставящей под сомнение категорию «объективность», отвергающей историзм и заменяющей его мифологией пандискурсивности? Не является ли имагология квазинаукой, разновидностью идеологии, цель которой – стирание национальной идентичности? Не есть ли имагология – идеологическое обоснование и обеспечение процесса глобализации? Но в таком случае, чем имагология принципиально отличается от заклеянного вульгарного социологизма? Как и вульгарный социологизм, она, обращаясь к литературному материалу, игнорирует специфику литературы, видит в ней лишь материал и инструмент, редуцирует литературу, по выражению И. Леерссена, к «привилегированному средству распространения стереотипов»³⁸. Вульгарный социологизм рассматривал литературу как отражение и инструмент классовой борьбы, имагология видит в ней средство социокультурной инженерии. Цель имагологии – «деидеологизация национального сознания в целях развития общеевропейской цивилизации и обеспечения гармонического сосуществования (разных европейских народов. – В. Т.) в пространственно-временном континууме современной истории и культуры»³⁹. Иными словами, задача состоит в ослаблении национального самосознания, стирании идентичности европейских наций и формировании единой общеевропейской идентичности. В сущности, политических целей имагологии не скрывал ее родоначальник Х. Дизеринк, когда писал в статье «Компаративистская имагология. О политической значимости литературоведения в Европе» (1988): «...В действительности имагология является сегодня тем важным и многообещающим вкладом, который могла внести 150-летняя дисциплина сравнительного литературоведения в понимание и решение специфических проблем, появившихся в результате европейской многонациональности. Сейчас каждое открытие в области имагологии – событие политического значения»⁴⁰. Заслуга имагологии в том, что она актуализировала, действительно, важную сферу научного поиска – все, что связано с изучением образа «Другого». Однако изучать его можно по-разному, с разными целями и разными методами, и прежде всего

³⁸ Цит. по: Поляков О. Ю., Полякова О. А. Указ. соч. – С. 159.

³⁹ Миры образов – Образ мира... – С. 13.

⁴⁰ Цит. по: Поляков О. Ю., Полякова О. А. Указ. соч. – С. 152–153.

в рамках литературоведения. Стоит ли науке о литературе ориентироваться на сомнительный дискурс-анализ? Не разумнее ли обратиться к традициям русской филологической школы с ее интересом к специфике литературы (формалисты), с ее широким и системным взглядом на литературу в ее обусловленности социокультурными и историческими факторами? У нас в этом отношении прекрасные учителя, среди которых А. Н. Веселовский, Ю. Н. Тынянов, М. М. Бахтин, Ю. М. Лотман, Д. С. Лихачев и др.

Для различения имагологии и той сферы поэтики, которая занимается исследованием образом «Другого», но делает это не с позиций постмодернистского дискурс-анализа, а обращаясь к сравнительно-историческому методу и традициям исторической поэтики, представляется целесообразным использовать понятие «имагопоэтика».

Современная литературоведческая «россика» на Западе: основные фигуры, тенденции и подходы

Научное изучение на Западе истории и культуры России началось еще в XVIII столетии. Так, например, во Франции первые исторические труды о России появились в конце XVIII в. («История России» (1782) Левека, «История древней Руси» (1783–1784) и «История новой России» (1783–1785) Леклерка). XIX столетие пополнило западную литературоведческую «россику» многочисленными статьями, брошюрами, трактатами о России (см., например, работы Л. Париса, Ж.-М. Шопена, А. де Ламартина и др.). В конце XIX в. начался новый этап серьезного изучения русской истории, культуры и литературы во Франции, связанный с именами А. Леруа-Больё, Л. Леже, М. де Вогюэ, А. Рамбо, А. Мазона, А. Лиронделя. Наиболее значительным из написанного на эту тему во Франции были две фундаментальные работы французского историка и публициста А. Леруа-Больё «Империя царей и русские» (1881–1885) и «Франция, Россия и Европа» (1888).

На рубеже XIX–XX вв. расширяется преподавание русского языка и литературы во французских университетах, возникает несколько научных обществ, ставивших своей целью изучение России. В 1898 г.

в Париже было основано «Франко-русское общество», издававшее журнал «Рёвю дез этюд рюс» (1899–1900), переименованный позже в «Рёвю дез этюд франко-рюс» (1910–1911). Журнал публиковал хронику франко-русских политических и культурных контактов, печатал историко-литературные статьи, переводы русских писателей. Главным редактором этого издания был Шарль де Ларивьер, перу которого принадлежала одна из первых в XX в. французских работ, посвященных проблеме русско-французских культурных связей, книга «Франция и Россия в XVIII веке. Исследование француско-русских исторических и литературных связей» (1909). Опираясь на неопубликованные архивные материалы из архивов Министерства иностранных дел Франции и новые для того времени российские публикации (изданные в Москве в 1879–1887 гг. Архивы князя Воронцова, опубликованные в Санкт-Петербурге в 1874 г. «Дневники» Храповицкого и т. д.), Ларивьер освещает некоторые малоизученные эпизоды из истории русско-французского культурного диалога (Екатерина II и д'Аламбер, Екатерина II и Бюффон, восприятие Екатериной II комедии Бомарше «Женитьба Фигаро» и т. д.).

Весьма интересным был раздел, в котором говорится о восприятии России известным французским экономистом, теоретиком школы физиократов Мерсье де ля Ривьером, прибывшим в Россию по приглашению Екатерины II в 1767 г. Однако в целом Ларивьер больше внимания уделяет не анализу образа России, каким он сложился в сознании французских писателей и путешественников XVIII в., а обстоятельствам их пребывания в России, их взаимоотношениям с Екатериной II. Некоторые эпизоды книги напоминают скорее исторические анекдоты, нежели серьезные научные разыскания.

Собственно Ларивьер и сам рассматривает свою книгу как собрание подготовительных материалов для последующей большой, обобщающей работы о русско-французском диалоге. «...Перед тем как предпринимать большое обобщающее исследование о том, как европейская цивилизация проникала в Россию, привнося сюда кое-что из своей духовной культуры, необходимо создать специальные очерки или монографии о выдающихся французских и русских деятелях, которые тем или иным образом внесли свой вклад в это дело»⁴¹.

Проблему рецепции России во французской литературе XVI–XVII вв. затронул в своей книге «Славянский мир и французские классики в XVI–XVII вв.» (1912) французский ученый

⁴¹ Lariviere Ch. de. La France et la Russie au XVIII-e siecle. Etudes d'histoire et de litterature franco-russe. – Paris, 1909. – P. 12.

Абель Мансуи. В книге Мансуи из пятнадцати разделов «русской теме» посвящен лишь один, последний: «Россия и французская литература XVII века». Мансуи собрал те немногочисленные пассажи и упоминания о Московии, которые смог обнаружить в произведениях А. де Сент-Амана, Сирано де Бержерака, в переписке Ж. Расина. Мансуи заключает, что почти никто из крупных французских писателей XVII в. не обращался к «русской теме» в своем творчестве, что о России не было написано ни одной книги. Никто из них не знал русского языка и никогда не бывал в России.

Несколько подробнее рассказано о том, какие реалии русской жизни нашли отражение в путевых записках первооткрывателя Московии для французов, офицера и авантюриста Ж. Маржерета, мемуарах и дневниках литераторов второго ряда – Реньяра, Да Нёвилля, Данжо.

Мансуи констатирует, что никакого сколько-нибудь отчетливого образа России в литературном сознании Франции XVII в. еще не сложилось. «Когда какой-нибудь автор решался говорить о Московии, то чаще всего лишь случайно и почти всегда поверхностно», – заключает Мансуи⁴².

Полемической по отношению к концепции Мансуи стала статья Г. Лозинского «Россия во французской литературе средних веков», опубликованная в парижском журнале «Рёвю дез этюд слав» в 1929 г. Автор ставит цель – «уточнить, какими были представления о России во французском средневековом сознании, как они формировались и распространялись, какое отражение они нашли в литературе той эпохи»⁴³. Материалом, на основании которого делаются выводы, стали французские поэмы, романы, хроники и научные трактаты XII–XIII вв. Лозинский опровергает широко распространенное в науке начала XX в. представление, согласно которому до XVI столетия о России ничего не было известно на Западе. Автор статьи доказывает, что первые упоминания о русских в западных хрониках относятся к IX в., а в X в. первые западные путешественники отважились посетить русские земли. Анализ памятников французской средневековой литературы позволяет Лозинскому сделать вывод о том, что Русь вовсе не была для французских писателей и эпохи Средневековья “terra incognita” и что представления о России в средневековой Франции, вопреки устоявшемуся мнению, не были «весьма неопределенными» и фантастическими. «Для средневековых писателей или ученых Русь не была сказочной страной, но территорией, расположенной в совершенно определенной части Европы», – утверждает автор статьи⁴⁴.

В начале 1950-х гг. во французской компаративистике намечается поворот от традиционного для сравнительно-исторического литературоведения изучения контактов между различными национальными литературами и их взаимовлияний к исследованию образа иной страны, ее народа и культуры, каким он складывается и существует в инациональном литературном сознании. Зачинателем этого «переворота» стал французский литературовед-компаративист Мариус Франсуа Гийяр, автор книги «Сравнительное литературоведение» (1951). Гийяр вступает в полемику с американскими компаративистами, сосредоточившимися на изучении литературных влияний. «Изучение влияний часто обманчиво и разочаровывает», – писал Гийяр⁴⁵. Ученый полагал, что когда речь идет о конкретном писателе, изучение того, кто из иностранных авторов привлекал его внимание и оказал на него влияние, может быть плодотворным, поскольку «описать круг литературных предпочтений писателя значит отчасти описать его самого»⁴⁶. Однако когда предпринимаются попытки выявить влияние целой национальной литературы на другую, то здесь неизбежны спекуляции, произвольные построения, так как для

⁴² Mansuy A. Le monde slave et les classiques fran9ais aux XVI–XVII siecles. – Paris, 1912. –P. 475.

⁴³ Lozinski G. La Russie dans la litterature fran9aise du Moyen age // Revue des etudes slave. -1929. – T. IX. – № 1–2. – P. 72.

⁴⁴ Lozinski G. Op. cit. – P. 71.

⁴⁵ Guyard M.-F La litterature comparee. – Paris, 1951. – P. 25.

⁴⁶ Ibid.-P.28.

честного наблюдателя нация и национальная литература – слишком сложное образование, не редуцируемое к простому единству «Чем больше социальная группа, в сознании которой формируется образ той или иной страны, тем больше опасность упрощения этого образа, сведения его к схеме, карикатуре»⁴⁷. Вывод, который делает Гийяр: «Не будем больше прослеживать и изучать иллюзорные влияния одной литературы на другую. Лучше попытаемся понять, как формируются и существуют в индивидуальном или коллективном сознании великие мифы о других народах и нациях... В этом залог обновления компаративистики, новое направление ее исследований»⁴⁸.

⁴⁷ Guyard M.-F. *La littérature comparée*. – Paris, 1951. – P. 28.

⁴⁸ Ibid.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.